

Из опыта диалектной этимологии

Анализируя определенное слово, этимология, вероятно, в большей степени, чем все другие отрасли языкознания, обращается к материалам так называемого общенародного языка, независимо от принадлежности объекта анализа к определенной сфере этого языка: литературному языку, просторечию, диалектам, даже жаргонам. Вся история этимологии и особенно достижения этимологии русского и славянских языков второй половины прошлого и начала нынешнего веков свидетельствуют о теоретической и методической обоснованности и плодотворности такого подхода. Следует, кажется, обратить внимание (хотя бы и повторно) на некоторые его аспекты.

1. Этимология должна максимально использовать особенность диалектной лексики – вариантность различных формальных характеристик слова, анализ которой обеспечивает снятие изменений первичной формы, обусловленных как общерусскими явлениями, так и особенностями различных диалектов, и различными вторичными преобразованиями, и наибольшее приближение к первичной форме, а соответственно – и ее этимологизацию: ср. свердл. *сверѣдить* ‘ссучить, скрутить пряжу в нить’, свердл., перм. *сверѣжить*, *сверѣживать* ‘то же’ с преобразованиями, свердл., перм. *сдверѣжить* ‘сдвоить, ссучить нитки’, свердл. *сдверидить*, свердл., бурят. *сдверяжить*, перм., ср.-урал., новосиб. и др. *сдверяживать*, волог., свердл., новосиб. *сдверядить* ‘то же’ [СРНГ], север. *дверяжить* ‘то же’ и *двурѣженный*, *двоерядный* ‘сдвоенный (о нити)’ [СГРС].

2. При этимологизации диалектной лексики (как и литературной) возможно допущение участия в истории слова нерегулярных фонетических изменений, особенно реализующихся в других славянских языках: новосиб. *разнѣт* [СРНГ] в фразеол. бран. *разнѣт на тебя* может быть преобразованием **разгнет* – ср. ст.-слав. *roznet* ‘гнойное воспаление подкожных тканей’ (ср. модель рус. разговорн. *паралич на тебя*), производное от праслав. **gněiti* ‘зажигать’ (ср. рус. диал. *разгнѣт* ‘растопка, лучина’); значение пск. *разнѣтить* ‘промотать, растратить попусту’ в таком случае – народная этимология (по сближению с *нет*).

3. Возрастающие требования и соответственно усиливающийся акцент на семантической аргументации в этимологии сопровождается массивным использованием диалектных материалов в качестве семантических параллелей для предполагаемых мотивационных моделей или изменений значений в анализируемых лексемах литературного языка. Существенно, что в диалектах обнаруживается актуальность моделей, создавших праславянские слова: ср. праславянский возраст родства *видѣть* – *ведать* и совр. волог. *в глазах нет* ‘непонятно, непостижимо’ [СГРС]; праслав. родство *дерево* – *здоровый* и совр. пск. *раздревѣть* ‘стать вялым, расслабленным’ [СРНГ]; праславянское родство *видѣть* – *обида* и совр. карел. *озорнѣться* ‘обидеться’ [СРГК]. Однако приходится считаться с возможностью различий в моделировании лексики, обусловленных расхождениями в развитии го-

родской и сельской культур: ср. литер. *топорная работа* ‘грубая’ и алт. *натопорить* ‘разукрасить’ [СРГА]. Из этого следует наложение культурно-исторических ограничений на семантические параллели.

4. Необходима известная доля критичности в обращении к материалам диалектных словарей. Не говоря здесь об ошибочных записях форм, следует априори допускать условность определения, распределения и характеристики значений многозначного слова: селигер. *дорывать*, истолкованное как ‘заканчивать тушить’ [Селигер], судя по контексту (*Музей сгорел, дорывали уже утром*) и практике пожаротушения, обозначает собственно действие растаскивания, *р а з р ы в а н и я* остатков сгоревшей постройки; новг. *пово́ный* ‘уступчивый, сговорчивый, покладистый; *п е р е н о с н. пологий*’ [НОС] является производным от *водить* – **поводный* с *п е р в и ч н ы м* значением ‘пологий’; новг. *окинуть* ‘облениваться’ [НОС] в контексте *Лень ленью, а окить окитью; окинувшие, ничего не хочет делать*, при учете приведенного там же новг. *окинуться* ‘одеться’, скорее значит ‘(раз)одеться’ и является вариантом того же *окинуться*. Соответственно для этимологии необходимо возможно большие контексты.

5. Заслуживает внимания активный процесс вхождения диалектной лексики (и ее моделей) в просторечие и жаргоны: таково происхождение жарг. и просторечн. *сечь* ‘понимать’ (в конечном счете – к и.-с.**sekʰ*- ‘следовать’); сибир. *кеплый* экспр. ‘очень старый, дряхлый’ [СРГС] может объяснить просторечн. *теплый, тепленький* ‘пьяный’; ворон. *косить* ‘брить, стричь наголо’ [СРНГ] (при литер. *стричь под горшок, стричь под одну гребенку*) моделировало жарг. *косить под кого-л.*; селигер. *мерзúлька* ‘мерная стопка’ [Селигер] (народная этимология – из *мензурка*) объясняет просторечн. и жарг. *мерзавчик* ‘маленькая бутылочка водки’.

Е. Н. Варникова

Вологда

К вопросу об ономастическом статусе зоонима

Являясь периферийным классом собственных имен, зоонимия оказалась и на периферии внимания ономастов: в сравнении с другими ономастическими классами она изучена сравнительно мало. Не собран и поэтому не исследован в должной мере сам зоонимический материал, и как следствие этого – не определен видовой состав русских зоонимов, не установлена их семантическая, системно-структурная и функциональная специфика, не изучена литературная зоонимия, не разработана зоонимическая терминология.

Специальных исследований по зоонимике в настоящее время очень немного. В известных нам работах рассматриваются либо клички разных видов животных (П. Т. Поротников, А. А. Смирнов, В. М. Мокиенко и О. И. Фоякова, Н. Г. Рядченко), либо – реже – клички отдельных видов животных: охотничьих собак (Н. Г. Дубова), лошадей (Т. П. Романова). Как правило, зоонимы анализируются в ономастиологическом